

Екатерина
Полянская

Метроном

Издательство
«Геликон Плюс»

Екатерина Владимировна Полянская

Метроном

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42733122
Метроном. Стихотворения: Геликон Плюс; СПб.; 2019
ISBN 978-5-00098-191-7*

Аннотация

Екатерина Полянская – петербургский поэт, переводчик, член Союза писателей России. Стихи Полянской переведены на английский, японский, польский, сербский и чешский языки. «Метроном» – седьмая книга автора. В книгу вошли, помимо новых, избранные стихи из предыдущего.

Содержание

«Да, я буду писать о бабочках и цветах...»	5
Гдов	7
«Семь раз отрежь, один – отмерь...»	8
«Едва очнёшься, а уже – зима...»	9
Диалог в пути	10
«В горьких снах приходят ко мне...»	13
«Выйдя из магазина...»	15
«Дед воевал на Невском Пятачке...»	16
«И поставили памятник Анне напротив тюрьмы...»	17
«Был февраль, и Шуваловские холмы...»	18
«Получая свидетельство о рождении...»	20
Воспоминание	21
Две фотографии	23
«И вновь запела скрипка у метро...»	24
«Вот же мы, Господи – весь Твой улов...»	25
Мои двенадцать	26
«Он притворялся, что ему нужны...»	27
«Забыть поэта и заняться делом...»	29
«От трескучей фразы на злобу дня...»	30
«В следующем мгновении...»	32
«Что с тобою? – Ничего...»	34
«А моя-то соперница ждёт – пождёт...»	36

«Я целый день толклась – варила суп...»	37
«Вот уже третий год...»	39
«Утешь меня, пожалуйста, утешь...»	41
«Нынче вокруг колокольни полно стрижей...»	42
«И дал Господь мне слёзы наконец...»	43
«Я сюда пробилась сквозь толщу лет...»	44
Ветер	46
Трёхстрочия	47
Мастер	53
«Я уважаю классиков...»	54
Из написанного по заданию «Пенсил-Клуба»	56
I	56
II	59
III	62
Несерьёзные гекзаметры	64
«Некий могучий герой в священные Дельфы...»	64
«Муж многоумный решил в вечность...»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Екатерина Владимировна Полянская Метроном *Стихотворения*

**«Да, я буду писать о
бабочках и цветах...»**

*так ведь меня могут спутать с теми, кто
пишет о розах и бабочках...
высказывание в сети*

Да, я буду писать о бабочках и цветах,
Всем смертям и войнам назло – обязательно буду,
Потому что мне не пройти через боль и страх,
Если не пронесу их в себе повсюду.

Да, я буду писать о них, потому что они – хрупки,
Потому, что их мужество много больше, чем наше...
Лёгкие крылышки, тонкие лепестки —
Целый мир, что мудрее людей и старше.

Буду писать, потому что без нас без всех
Жизнь обойдётся, а вот без них – едва ли.
Попросту треснут, расколются, как орех,
Планы, амбиции, прочие «трали-вали».

Потому, что когда не станет «своих» и «чужих»,
И сквозь горький стыд и недоуменье
Мы возвратимся, то снова увидим их.
И разглядим вечность внутри мгновенья.

Гдов

Жизнь в городке замирает около трёх:
Заперты церковь, столовая, магазин,
Пусто на станции – ни поездов, ни дрезин,
Сухо в стручках пощёлкивает горох
У переезда, заброшенного так давно,
Что даже шпалы замшели, как будто пни.
В крепости козы уже не пасутся, но
Просто лежат в дремотно-густой тени.

Только в низине поблёскивает река,
И осыпается медленный пыльный зной
Между нездешним ужасом борщевика
И лопухов беспамятностью земной.
Только кузнечик, звоном наполнив слух,
К детству уводит от горечи и тревог,
Да над садами яблочный чистый дух
Напоминает, что где-то ещё есть Бог.

«Семь раз отрежь, один – отмерь...»

Семь раз отрежь, один – отмерь,
И нищету прими.
Чем оправдаешься теперь
Пред Богом и людьми?

За пустоту, за суету,
Словесный сор и прах,
Мучительную немоту
И неизбытый страх —

Глухой и тёмный, как сорняк,
За долгий сон души.
...Лишь на столе слепой сквозняк
Бумагами шуршит.

Лишь в глубине двора – шаги,
И призрачная дверь
То грохнет выстрелом: «Беги!»,
То тихо скрипнет: «Верь!».

«Едва очнёшься, а уже – зима...»

Едва очнёшься, а уже – зима:
Бесснежный холод, как заточка, острый
Покалывает вмёрзший в реку остров,
И ангелов, и тёмные дома.

Морозный ветер обрывает сны,
Грохочет жестью, лязгает засовом.
Имперские орлы, химеры, совы
Так беззащитны и обнажены.

И ты на остановке поутру
Торчишь мишенью чёткой и печальной,
Автобуса, как милости случайной,
Ждёшь – не дождёшься, куришь на ветру.

И жизнь, того гляди, перетечёт
В увядших листьев шорох невесомый,
В поспешные шаги и метронома
Размеренно-неумолимый счёт.

Диалог в пути

– Воруют, – ответил Карамзин...
С. Д. Довлатов «Чемодан»

– Держитесь, сударь! Снова – ямы.

– Да...

Лошадкам бы не покалечить ноги...

– Вы, сударь, понимаете – дороги...

Они у нас такие, как всегда.

– Желаете ль понюшку табака?

– Спасибо, но теперь не в моде это.

Мы нынче, сударь, курим сигареты.

А вы здоровы будьте – на века.

– Ну, как в России? Всё воруют?

– Да.

Чиновники раздулись, будто жабы.

– Всё та же наша древняя беда...

– Но несопоставимые масштабы:

Воруют страстно, яростно. Стыда

Не знают вовсе. Что ни говори там,

Все давешние воры-фавориты

Пред этими – ну просто ерунда!

– А что ж закон?

– И, сударь мой! Закон!

Вы знаете и сами: он – что дышло.

Как повернёшь – вот так оно и вышло...

Одни слова, словесный шум и звон.

– Мужик-то не бунтует ли?

– Народ

Притих – больной, обманутый и нищий.

Он эту землю так залил кровищей,

Что пахари у нас наперечёт.

– Ну, бабы ведь – рожают. Говорят,

Царь Пётр однажды, всё-таки, заплакал

Над павшими (хотя сажал ведь на кол

И головы рубил стрельцам подряд),

Но тут же был утешен горячо

Одним из генералов: дескать, бабы

У нас неприхотливы и неслабы,

И нарожают нам солдат ещё.

Так что же, а? Исправно ли на свет

Солдат нам производят нынче бабы?...

...тьфу, Господи, прости! Опять – ухабы!

– Что, сударь? Бабы? – Не рожают. Нет.

– Но вы... Россию... всё же...

– Вот те на!

Мы тоже матерей не выбираем.

И если нужно – так же умираем

Без лишних слов. В любые времена.

«В горьких снах приходят ко мне...»

В горьких снах приходят ко мне
Те убитые на войне,
Кто и вовсе не воевал,
Чья могила – пустырь, подвал,
Где настиг их шальной снаряд...
Вот стоят они и молчат.
Оглушает безмолвный хор...
Мне не выдержать их укор.

И – мурашками по спине:
– Почему вы – ко мне? Ко мне?
Ваша смерть – не моя вина.
Это просто – война, война.
Это просто – беда, беда...
Так зачем вы пришли сюда?
Вы ошиблись... —
и мне в ответ
Шелестит, словно выдох: «...нет».

Что хотите вы от меня?
Где найду я для вас огня,
Если жизнь моя – в суете,
И слова мои все – не те,

Если я – в потёмках сама,
Если проще – сойти с ума?
Отступитесь, как сон, как бред! —

И в ответ, словно эхо:

«...нет!».

«Выйдя из магазина...»

Выйдя из магазина
на углу двух заледенелых улочек,
услышала стук метронома.
Ничего необычного —
проверка системы
оповещения граждан.
Отчего же тогда
сердце забилося так гулко?
Отчего
мир на доли секунды
стал чёрно-белым,
а сквозь ампирную стену
проступила другая,
зияя провалами окон?
Ты сжал мою руку.
Неужели, – и ты?
И ты – тоже?...
Неужели у всех ленинградцев
в бездонных глубинах
генетической памяти
неумолчно стучит метроном?

«Дед воевал на Невском Пятачке...»

*Памяти моего деда —
Александра Яковлевича Смородинского*

Дед воевал на Невском Пятачке,
В живых остался чудом, слава Богу.
Жил налегке, и умер – налегке,
И ничего не взял с собой в дорогу.

И всё же – взял. О том, как воевал,
О том, как трудно шёл от боя к бою
Не рассказал. Он память оборвал,
И целиком забрал её с собою.

И вот, в привычной жизни на бегу,
По пустыкам растрачивая силы,
Простить себе никак я не могу,
Что ни о чём его не расспросила.

«И поставили памятник Анне напротив тюрьмы...»

И поставили памятник Анне напротив тюрьмы,
Чтобы вновь ей смотреть на сырые кирпичные стены,
Где окошки прищурились, полные дремлющей тьмы
И притихшего лиха, таящегося среди тлена.

О, как холодно здесь! Ленинградскую серую гарь
Разрывают ветра и бросают прохожим навстречу.
О, как сердце болит! Лишь бывалый острожник-январь
Посыпает колючим снежком угловатые плечи

И поёт монотонно... А время сжимает кольцо,
То свинцом угрожая, то лязгая цепью железной.
Но ведь кто-то же должен стоять, повернувшись лицом
К неизбывному страху, готовому хлынуть из бездны.

«Был февраль, и Шуваловские холмы...»

Был февраль, и Шуваловские холмы
Застывали в дымке белёсой.
Отпеванье задерживалось. И мы
Просто ждали – безмолвно, бесслёзно.

Заметало колючей печалью крыльцо,
Одиноко и как-то несмело
Из-под снега глядели кресты. И лицо
Леденело. И всё – леденело.

Но, как будто бы глядя на мир изнутри
Сокровенного сердца метели,
На графически-чёрном кусте снегири
Алым жаром горели и рдели,

И посвистывали. Ну а возле куста,
Глядя на вожденные цели,
Три больших, полосатых, пушистых кота
В неподвижном молчаньи сидели.

Вот один потянулся, по насту прополз —
По зернистой, крошащейся крыше.
И – взобрался на куст. Был он грузен и толст,

Но карабкался выше и выше —

К самым тоненьким веткам... Так близок успех —
Вот сейчас он поймает! Но стая
Разом вся поднялась. И мерцающий смех
В бледном небе бесследно растаял.

Мир вздохнул, словно в стылых глубинах земли
Чья-то мёртвая хватка разжалась.
И горячие слёзы свободно текли
В бесконечность. И жизнь – продолжалась.

«Получая свидетельство о рождении...»

Получая свидетельство о рождении
своей давно умершей матери,
– Для подтвержденья родства —
получая её же
свидетельство о браке
с ныне покойным отцом,
словно перебираю
мелкие, острые
осколки мозаики
разбитых вдребезги жизней.

Горячая кровь
течёт по исколотым пальцам,
подтверждая родство.

Воспоминание

Не сажай меня в финские сани, одну не спускай с горы.
Папа, я не хочу, я боюсь лететь в эти тартарары.
Обмерзает от ветра лицо, и – никого за спиной.
Не говори: «Трусиха!», не цеди сквозь зубы: «Не ной!».

Не тащи меня в речку на самую глубину —
Я утону, я камнем пойду ко дну.
Не заставляй меня снова преодолевать этот страх,
Разреши мне заплакать, покачай меня на руках.

Не заставляй меня быстро умножать и делить на ходу,
Не тяни меня за руку – по снежной каше, по льду.
Не обзывай меня дурой, пожалуйста, не обзывай,
Не грози сдать в милицию, засунуть в пустой трамвай.

Отпусти лучше к маме. А хочешь – пойдём вдвоём.
Ты сказал, что она – далеко, но уж вместе-то мы найдём!
Знаешь, песенка есть про то, что вместе шагать легко...
Почему ты прячешь лицо, в стену бьёшь кулаком?

Я не буду волком глядеть, не буду тебе грубить.
Папа, честное слово, я тебя постараюсь любить,
А не только лишь помнить с горечью и виной...
Не запирай меня в тёмной комнате – там очень страшно

одной.

Две фотографии

Две фотографии передо мной:
ЦПКиО, дворцовые ступени,
Июньский день в мерцаньи светотени,
Плывущий над камнями влажный зной.
На первой – вместе я и мама с папой,
И лев катает шар чугунной лапой,
Блестя отполированной спиной.

А на другой – всё то же: и стена,
И лестница, и стриженная кроха,
И платице воздушное в горах,
И львиной гривы чёрная волна.
Всё те же декорации, всё – то же:
И день, и час, и да же ракурс – схожий,
И только я – уже совсем одна.

И на ступенях тополиный пух
Подобен пеплу. А на заднем плане,
Слегка размытый, словно бы в тумане,
Дворец покинутый пустынно-глух.
Лишь девочка, да чёрный лев чугунный...
Как будто кто-то прикоснулся к струнам,
И пробует мелодию на слух.

«И вновь запела скрипка у метро...»

И вновь запела скрипка у метро
О чём-то мимолётном и печальном,
Ненужном, неоплаканном, случайном —
О гулкой бесприютности дворов,
О стихнувших шагах твоих, о том,
Чему уже вовек не повториться,
О стёртых именах, забытых лицах,
О доме, предназначенном на слом.

Я не хочу ни знать, ни вспоминать.
Скрипач, прошу тебя, смычка не трогай —
О безнадёжной хрупкости земного
Земному не спеши напоминать.
Да и мотив затаскан, полужив,
Как с времени полученная сдача...
А я над ерундою этой плачу,
В пустой футляр червонец положив.

«Вот же мы, Господи – весь Твой улов...»

Вот же мы, Господи – весь Твой улов.
Сыплются острые камушки слов
Сквозь нарастающий шорох и треск,
Сквозь ледяной ослепительный блеск.
Вот мы, пригоршню осколков схватив,
Ловим едва различимый мотив,
Но ускользает незримая нить —
С вечностью время не соединить.

Вот мы – «известные в узких кругах»,
Вечно в долгах, как в дырявых шелках,
В горьком похмелье на каждом пиру —
Рёбра открыты любому перу.
Вот мы. И каждый – не больше, чем стих.
И в раскалённых ладонях Твоих
Дудочкой хрупкой стораёт любой...
Вот же мы, Господи, – перед Тобой.

Мои двенадцать

Они пришли – двенадцать человек,
Пришли, действительно, – стихи послушать.
Впотьмах метался ветер. Мокрый снег
Плевал в лицо, и сердце билось глуше.

И вот когда, цепляясь и скользя,
Я заглянула в пасть пустого зала,
Они пришли – последние друзья,
Которых я почти совсем не знала.

Не дай мне Бог душою покривить,
Когда, последних слёз уже не пряча,
Пришедших я смогу благословить
Не словом, но – молчанием горячим.

«Он притворялся, что ему нужны...»

Он притворялся, что ему нужны
Работа, дом... Он из глубин вины
Привык смотреть на жизнь. И, вероятно,
Он мог бы стать со временем вполне
Своим среди своих, когда бы не
Дорога – на работу и обратно.

Но путь его – отрезок на кривой
Дрожит готовой к бою тетивой
В тревожном ожидании и блеске.
Изменчивый и чистый, как ручей,
Мир смотрит мириадами очей
На бесконечном в глубину отрезке.

В нём гомон воробьёв и льдистый хруст,
И звон трамвая, и морозный куст,
Чьи ветви хрупким инеем одеты...
Весь обратившись в зрение и слух,
Он лёгок, словно тополиный пух,
Наполненный лишь воздухом и светом.

И вот, себе отсрочку отмолив,
Он ощущает времени отлив

От суетливых, но привычных буден,
И так свободно отплывает сам,
Коллегам, домочадцам и друзьям
Не то чтоб вовсе чужд, но – неподсуден.

«Забывать поэта и заняться делом...»

Забывать поэта и заниматься делом.
Поскольку он – никчёмный человек
С душой нелепой и неловким телом
Он весь – некстати, словно майский снег.

Забывать его! Он – просто недоучка,
Фигляр и неудачник, вечный шут.
Мы думали, он – непростая штучка,
А он и сам не знал, зачем он тут.

Забывать его. Он жил так неумело,
За пешку отдавал порой ферзя...

И, всё же, за неведомым пределом
Была его оправдана стезя.

«От трескучей фразы на злобу дня...»

От трескучей фразы на злобу дня,
Виршей холопских, бешеных тиражей,
Ангел Благое Молчанье, храни меня —
Губы мои суровой нитью зашей.

Лучше мне, измаявшись в немоте,
Без вести сгинуть, в землю уйти ручьём,
Чем, локтями работая в тесноте,
Вырвать себе признание – не важно чьё.

Лучше исчезнуть, попросту – помереть,
Быть стихами взорванной изнутри.
Только бы – перед ликом твоим гореть,
Только бы слушать, только б Ты говорил!

Только бы слушать, вслушиваться в шаги,
Свет Твой угадывать из-под прикрытых век...
Вечность во мне, прошу Тебя, сбереги,
Ибо я всего-то лишь – человек.

В час, когда сердце захлёстывает суета,
Требуя покориться и ей служить,
Ангел Благое Молчанье, замкни мне уста,

Чтобы мне перед Словом не согрешить.

«В следующем мгновении...»

В следующем мгновении
всё будет не так, как в этом:
всё переменится —
ветер,
облако,
тени,
даже стекло
иначе вспыхнет на солнце,
даже капля
чуть ниже согнёт травинку.
Не очень-то важно —
ты сделаешь то или это,
или – не сделаешь.
Всё равно всё изменится,
всё зазвучит по-другому —
голос,
музыка,
шёпот.
Даже листья
залепечут о чём-то новом,
даже молчание
будет не тем, что прежде.
В следующем мгновении
всё будет совсем по-иному:

всё изменится —

взгляды,

жесты,

улыбки,

даже вкус,

даже запах хлеба,

даже цвет

камушка на дороге.

Ну конечно, всё будет иначе,

абсолютно и совершенно,

если только ты вдруг не заглянешь

вглубь самого мгновения —

в раскрывшуюся его бездну.

«Что с тобою? – Ничего...»

Что с тобою? – Ничего.
Просто листья облетают.
Листья – только и всего.
И летят бездомной стаей,
В шепот осени влетая
Ритм круженья своего.

Мерный маятника счёт
На последнем перегоне...
Что там – нечет или чёт?
Только ветер глухо стонет,
Только время по ладони
Тонкой струйкою течёт.

Что с тобою? – Пустяки.
Сны бегут по коридору
Так изменчиво-легки.
Сквозняком блуждает в шторах
Камышей чуть слышный шорох
У неведомой реки.

Невесомый звёздный сор
Опускается на крыши,
Затихает резкий хор

Дел дневных. Лишь полночь дышит
И дыханием колышет
Жизни тающий узор.

«А моя-то соперница ждёт – пождёт...»

А моя-то соперница ждёт – пождёт,
У неё всё рассчитано наперёд.
Говорит: «Всё равно я своё возьму,
Всё равно разделю, разорву, отниму.

Помни, если я кого захочу —
Не мытьём, так катаньем получу.
И когда, от горя сходя с ума,
Ты ко мне придёшь, приползёшь сама,

Я ещё покуражусь из пустоты,
Чтобы власть мою понимала ты.
Как бы ни целовала ты горячо —
Я всегда стою за твоим плечом».

И шипит с ухмылкой: «Ты – пыль и прах!...».
Только за словами я слышу страх,
Потому что прекрасно знает она,
Что давно – и не мною – побеждена.

«Я целый день толклась – варила суп...»

Я целый день толклась – варила суп,
Стирала, мыла, жарила котлеты...
Мир был вполне материально-груб,
И я его любила безответно.

Он мной повелевал и – так, и – сяк,
Он требовал трудиться то и дело.
А я любила – наперекосьяк —
За всё, что в нём случайно подглядела:

За грустную ворону на трубе,
В которой сотню лет лишь ветер свищет,
За то, что этот юркий воробей
Вовсю решает свой вопрос жилищный

На нашем подоконнике, за то,
Что над иссохшим питерским колодцем,
Как будто чистой радости глоток,
Смех ласточек бесстрашных раздаётся,

За то, что даже горе – не беда,
За свет вечерний и дневные тени,
За то, что забываю иногда

Про повелительное наклоненье.

«Вот уже третий год...»

Вот уже третий год
в переходе метро
стоит это чудо:
Пальтишко потёртое,
согнутая спина,
на одутловатом лице
выражение
туповатой покорности,
а в давно немых руках
тетрадный листок:
«Помогите.
Умерла мама».
Пробегая мимо неё,
бросаю монетку,
морщусь:
 ну что ж она так,
 хоть бы табличку сменила.

Потом
в вагоне грохочущем,
проталкиваемом в тоннеле
как бы небытия,
стою,
стиснутая телами
такими живыми и смертными,

смотрю в черноту окна.

И оттуда,

из космической проруби,

всплывает забытое слово —

Мама.

«Утешь меня, пожалуйста, утешь...»

Утешь меня, пожалуйста, утешь
В моей почти пророческой печали,
В конце времён, а может быть, – в начале.
Горчит моё вино, и хлеб несвеж.

Утешь меня. Разбросанных камней
Всё больше, и тропа моя – всё уже,
И голоса из прошлого всё глуше,
А выстрелы – всё чаще и точней.

Услышь меня, пожалуйста, услышь.
Стада веков, пыли, проходят мимо
И размыкают несоединимо
Небытия седую глушь и тишь.

Услышь меня. Я принимаю бой —
Привычный мир растрескан и расколот,
И рвущийся снаружи смертный холод
Остановить возможно лишь собой.

«Нынче вокруг колокольни полно стрижей...»

Василию Рысенкову

Нынче вокруг колокольни полно стрижей.
Птичья забота – знай себе режь да шей.
Острым крылом возле моей щеки
Чиркни, как лезвием, тенью коснись руки.
Режь, перекраивай время, пространство, жизнь,
Резко ныряя, закладывая виражи,
Криком сшивая невидимые края,
Где из воздушной раны забьёт струя
Чистого света.

 Что же, душа, учись.
Не сожалей, не бойся – пронзая высь,
Воздуха легче, стремительнее, чем стриж,
Над колокольней когда-нибудь ты взлетишь,
Чьей-то щеки почти коснувшись крылом,
Не вспоминая – в вечности – о былом.

«И дал Господь мне слёзы наконец...»

И дал Господь мне слёзы наконец,
Чтоб я могла как следует оплакать
Небывшего крошащуюся мякоть
И бывшего стремительный свинец:

Всё то, чем я жила, но – не жила,
Чего и вовсе не было, но – было,
Всё то, что переплавилa, сожгла,
И лёгким пеплом по ветру пустила.

«Я сюда пробилась сквозь толщу лет...»

Бывшему 12-му отделению РНИИТО

Я сюда пробилась сквозь толщу лет,
Чтобы к отражению своему
Подойдя, понять: это ни к чему.
Никого здесь нет, ничего здесь нет.

Ни обрывка смеха, ни пары слов —
Безвозвратно на вахту сданы ключи,
Только, может быть, иногда звучит
В коридорах эхо моих шагов,

Да сквозняк, свернувшийся за спиной,
Вдруг шепнёт: «...ты маску забыла снять...».
А на зеркало нечего мне пенять —
Не оно шутовству моему виной.

Меж немного праха – поющий прах —
Вышла вон, и вновь стою на ветру.
То ли, впрямь, везде я не ко двору,
То ли просто тесно мне при дворах.

Ну, так что же – список моих потерь

Смыло время – чистое, как вода...

– Извините, девушка, вы – куда?

– Я – отсюда.

Я закрываю дверь.

Ветер

Ветер, спокойно дышащий за спиной,
Тихо колышущий сонные занавески,
Вдруг разворачивается – шальной,
Неудержимый, резкий.

Вот он кружится, закладывает виражи,
Сломанной веткой иероглифы чертит,
И налетает, и яростно треплет жизнь,
Балансирующую над смертью.

Трёхстрочия

* * *

Лишь на мгновенье
бегущей воды коснулась
тень стрекозы

* * *

Ящерка дремлет
на золотистом стволе.
Ах, не спугнуть бы!

* * *

В небо взглянула,
над крышами – пустота:
стрижи улетели.

* * *

Пьяницы в сквере
крошат хлеб голубям.
в городе лето.

* * *

В солнечной луже
купаются воробьи,
плывут облака.

* * *

Солнце и ветер:
в питерском дворике
шепчутся тени.

* * *

Ветер и дождь:
под мокрым карнизом
спряталась птичка.

* * *

Ветка дерева —
совершенство творенья
в каждой линии.

* * *

Чайная роза
на фоне серой стены —
пасмурный день.

* * *

Вновь липа цветёт —
Золотистая радость
Коснулась меня.

* * *

Весь распушившись,
чирикает воробей —
желторотый ещё.

* * *

Старая груша
снова цветёт по весне,
жизнь истекает.

* * *

Крики ласточек
над крепостью в вышине —
утро в Изборске.

* * *

Сумрак прозрачен,
в реке отражаются
небо и время.

* * *

Лес перед дождём
притих и прислушался:
трепещет осина.

* * *

С тихим шелестом
первые листья летят —
осень вздохнула.

* * *

На зимнем небе
тонкой кистью рисунок —
ветви берёзы.

Мастер

Я говорю: «...коль будем живы, то...»,
А он – хохочет: «Да куда ж деваться?
Рассчитываю эдак лет на сто,
И раньше не намерен я сдаваться.

Я строю дом для всей своей семьи,
И вам – ремонт... Заказов – до хренищи!»...
А за окном ноябрьский ветер свищет,
И выдувает время. Дни мои

Летят, как листья. Но в его руках
Кипит работа, мир преображая,
Рассеивая мрак, сметая прах,
Как будто нам ничто не угрожает,

И смерти нет, и горе – не беда,
И мы тут – не случайны, не мгновенны...
Я говорю: «Так будем живы, да?» —
И он смеётся: «Будем непременно!».

«Я уважаю классиков...»

Я уважаю классиков,
преклоняюсь перед их мудростью,
восхищаюсь талантом,
глубиною слова и мысли,
ужасаюсь предвиденью.
Эти глыбы, эти тома
непостижимы,
всегда адресованы вечности.
Однако же, я их читаю
внимательно и серьёзно,
ведь я же – не варвар,
ведь я размышляю
о мире,
о людях,
о космосе внешнем и внутреннем,
о безднах
внутри самого человека,
и много ещё о чём,
поскольку
«cogito, ergo...»,
ну и так далее.
И, всё же, когда мне плохо,
плохо по-настоящему,
плохо без оговорок,

тогда,
 словно в детстве,
я снова в руки беру
незатейливую,
простую до примитивности,
но такую чудесную
книжку
про капитана Блада.

И снова хочу жить.

Из написанного по заданию «Пенсил-Клуба»

I

Один день из жизни мальчика

А яблоки всё падают в саду,
И хилый мальчик, надрывая спину,
С религией и совестью в ладу
В свиарник тащит паданцев корзину,
И думает о чём-то на ходу.

... Чуть не забыл нарвать для кур травы...
Мать часто говорит: «в труде награда
Для сына бедной фермерской вдовы».
А дядюшка твердит, учиться надо...
Ах, если бы! Но мать права. Увы!..

О, если б можно было! Не играть
Он стал бы – это скучно, бесполезно —
Читать и механизмы собирать,
И Божий мир, безмерно интересный,
Всю жизнь в себя по капельке вбирать,

Рассматривать и размышлять. Ему
Уже открытых истин явно мало.
Когда бы можно было самому
Всё постигать! Вот яблоко упало,
И, как всегда – отвесно. Почему?

Но что за шум донёсся со двора?
Чьи лошади привязаны к ограде?
Ведь дядя был у нас позавчера...
Да, снова он. На мать сурово глядя,
Внушает ей:

– Послушайте, сестра,

Учиться парню надо, вот вопрос!
– Учиться, братец? Господи, помилуй!
Вы это, братец, видно, не всерьёз!
Ведь мы бедны... Бери-ка, Айзек, вилы,
И – марш на скотник убирать навоз.

– Но я договорился: будет он
Зачислен в колледж Троицы бесплатно.
Мальчишка удивительно умён!
Сестра, он нас прославит, вероятно,
Когда в науку будет погружён.

– Ну, коль бесплатно... я согласна, брат.
– А вместо платы будет он трудиться:
При колледже конюшни есть и сад...
Скажи, племянник, ты готов учиться?

– О, дядя! Да!

– Ну что ж, я очень рад.

Теперь же едем. Собирайся. Жду.

Смотри, учись старательно и честно,

И – веруй в Бога, да в свою звезду...

...И – в яблоко, что упадёт отвесно

В пока ещё неведомом саду.

II

Баскервили в свете третьего закона генетики

Прогресс приходит постепенно:
Не знали люди слова «гены»,
И говорили: «Несомненно
В нём есть фамильные черты».
Но, отдавая дань природе,
Монах горошек в огороде
Растит, и вот уже выходит
Генетика из темноты.

Да, Мендель изучал горошек,
Смотрел на кроликов и кошек,
Лепил мозаику из крошек,
Прикидывал туды-сюды.
А если б род аристократа
Он изучил, то, вероятно,
Продвинулись бы многократно
Его научные труды.

Вот Хьюго: эдакий проказник,
Драчун, безбожник, безобразник,
Устроивший из жизни праздник,

Законы преступив не раз.
Он – не исчадие геенны,
А просто – в нём играют гены,
И часть из них вполне нетленно
Потомству Хьюго передаст.

Но, к счастью, мудрая природа,
Как только породит уroda,
Чтоб не давать уродству хода,
Часть генов погружает в сон.
Ведь если б ген был доминантен,
Мир стал бы крайне неприятен.
И каждый был бы будьте-нате —
Без вариантов – Степлтон.

И каждый был бы агрессивен.
Но ген преступный рецессивен,
До времени вполне пассивен
В ячейках сонных хромосом.
Но по закону расщепленья,
Устав от благости и лени,
Он вспыхнет в энном поколеньи —
И заплывает весь геном.

И потому авантюристы,
Наглы, речисты и плечисты,
Воня совестью нечистой,
Не переводятся никак.
Они везде ловчат, петляют

И преступленья замышляют.
Но Шерлок Холмс их вычисляет,
И Ватсон – тоже не дурак.

Не зная ничего о генах,
Дедукцией несомненной
Они раскрутят непременно
Всё это дело без улик.
Заметит сыщик, что похожи
У предка и потомка рожи,
Характеры их схожи тоже —
И вмиг ухватится за нить.

Мораль проста: на гадов разных,
Хитрющих, наглых, безобразных,
Пусть даже и совсем отвязных,
Способных прямо на разбой,
На всяких этих Степлтонов
Всё ж есть генетики законы,
И логика, и ум бессонный,
И винт с обратной резьбой.

III

Жёлтый конь

Я – старый конь, печальный конь,
Ржать не могу, как геликон,
Плюс – эта масть. Такая масть,
Что вы-то ржали просто всласть, —
Месье и прочие мадам...
Хозяин нервничал: «продам».
Он мне скупился на овёс,
А я – к Судьбе его привёз.
И на каких бы скакунах
Потом ни гарцевал он – ах! —
Без статей жалобных моих
Сюжет бы вряд ли был так лих,
И так блестящ, и так остёр...
Конечно, я – не мушкетёр,
Не кардинал, не Бонасье,
И не мадам, и не месье.
Но, может быть, старшой Дюма
Метался и сходил с ума,
Решая, как ему начать.
Уже безумия печать
Коснулась лба, сгустился бред,
Разваливался весь сюжет.
И вдруг увидел он меня —

Смешного жёлтого коня,
И сразу понял: «О-ля-ля!
Опишет каждый короля:
Костюм... манеры... Ерунда!
А жёлтый конь, вот это – да!»
Всё сразу встало на места,
И, с чистого начав листа,
Сомнений разогнав туман,
Он сел и написал роман.
Поэтому покорный ваш
Слуга – важнейший персонаж.
И вот, как медный геликон
Плюс раненый стрелою слон
Я протрублю вам на заре
В тональности, допустим, – «ре»,
Причём, конечно же – «минор»,
И пусть мне вторит громкий хор
Античных всяких голосов
Священных рощ, полей, лесов,
Поющих на восходе дня:
«О, не забудьте про меня!».

Несерьёзные гекзаметры

«Некий могучий герой в священные Дельфы...»

Некий могучий герой в священные Дельфы припёрся,
Там перед пифией он выю покорно склонил:
«Сил у меня до хрена, а умишка, увы, маловато...
Как же с пустою башкой подвиги мне совершать?»

Пифия долго тряслась, верхом на треножнике сидя,
И, наконец, изрекла волю великих богов:
«Кто тебе, смертный, сказал, что для подвигов надобен
разум?
Радуйся, воин: тебе был бы помехою он».

«Муж многоумный решил в вечность...»

– Чтобы попасть в вечность, надобно иметь учеников.

– Да, и, по возможности, каждый день.

Из разговора

Муж многоумный решил в вечность пробраться украдкой,
Много извёл он чернил, бумаги попортил вотще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.